

Семнадцатый год в отечественной историографии разных лет

Историографическая судьба некоторых черт, сторон и проблем российского революционного процесса, как представляется, требует для своего уяснения если не свидетельств (впрочем, и они необходимы), то соображений современников. Некоторые из них я здесь выскажу. Во-первых, я остановлюсь на связи советской историографии революции с классическими традициями и профессиональным мастерством дореволюционной русской исторической науки. Во-вторых, попытаюсь рассказать о некоторых оценках характера революционного переворота 1917 г. и его значения, которые стали вспомогательной частью советской идеологической доктрины, начиная с 1970-х гг., а с началом перестройки получили широкие возможности для своего развития.

Говоря о научных традициях в изучении революционного процесса, следует подчеркнуть ту роль, которую сыграла в их формировании группа молодых университетских учёных дореволюционной формации. К их числу относились в Ленинграде такие исследователи, как С.Н. Валк и Б.А. Романов, а также А.А. Шилов. Их выдающийся профессионализм, отточенный на источниковедческой работе с актовым материалом феодальной эпохи, оказал своё влияние на историко-революционную литературу. Я вижу две причины, которые привели этих людей к занятиям историко-революционной тематикой. Прежде всего, это — идеологическое неодобрение, если не сказать, запрет разработки и преподавания истории, кроме истории освободительного движения, классовых отношений и революционной борьбы. С другой стороны, перед молодыми людьми, очевидцами социально-политических сдвигов апокалиптического масштаба, открылась возможность писать о них, применив к изучению недавней исторической действительности опыт, приобретённый, как говорил Б.А. Романов, при анатомировании событий и явлений умерших исторических формаций. Некоторые представители старой историографии отнеслись к этому скептически, а то и неодобрительно, но далеко не все. А.Е. Пресняков писал о событиях 1905 г. и при этом ссылаясь на Л.Д. Троцкого. То, что Е.В. Тарле стал вместе с Валком и Романовым сотрудником Центрархива и активным публикатором дореволюционного внешнеполитического материала, не должно вызывать удивления: его политическая позиция всегда была оппозиционной царизму, разногласия вызывает лишь вопрос о том, был ли он по своим взглядам левым кадетом или правым социал-демократом. Но возглавил петроградский Центрархив С.Ф. Платонов, к числу дореволюционных

общественников никак не принадлежавший. И сложившаяся там профессиональная среда выдвинула исследователей следующего поколения таких, как: М.И. Ахун и С.Б. Окунь. Продолжавший своё существование журнал «Былое», между которым и Центрархивом действовал П.Е. Щёголев, дал революционной историографии Ш.М. Левина. В.А. Петров работал одновременно с источниками старого и нового времени.

Статьи Валка и Романова на историко-революционные темы (не считая их публикаций в «Красном архиве») появились в журналах «Каторга и ссылка», «Борьба классов», «Былое», «Книга и революция» и, по большей части, в ленинградском журнале «Красная летопись». Его вела старая большевичка П.Ф. Куделли, поощрявшая молодых историков-профессионалов и использовавшая их статьи как пример для авторов-профессиональных революционеров. Представители строго критического научного направления в историографии оказали очень большое влияние на развитие не только исследовательской литературы по истории революционного движения, но и на воспоминания его участников, придавая им содержательность и свойства правдивого отражения исторической действительности. В.Н. Гинев в своей статье о С.Н. Валке «Историк и мемуаристы», напечатанной в саратовском «Историографическом сборнике», показал, как В.Н. Фигнер и другие народники в своей работе над мемуарами прямо прибегали к рекомендациям Валка. Историко-революционное творчество Валка и Романова носило преимущественно источниковедческий и историографический характер, как, впрочем, и Шилова. В сущности вся выходившая в свет историко-партийная литература получала в печати взыскательную и строгую высокопрофессиональную оценку, дававшуюся этими авторами. Однако их творчество не ограничивалось этими конкретно историческими исследованиями, так сказать камерного жанра. Валку принадлежит не фигурирующий в изданном списке его трудов пространный общий очерк истории революционного движения в Петербурге-Петрограде. Романов, как известно, занимался дальневосточной политикой России.

Но у него, кроме многочисленных работ и рецензий по истории революционного и рабочего движения, есть и блестящее эссе, своего рода мини-монография — о мемуарах Д.Н. Шипова «Воспоминания и думы о пережитом», классическом источнике для истории русского либерализма.

Был ещё один канал профессионального влияния этих лиц на представителей формировавшейся историко-партийной науки, на учеников М.Н. Покровского, занимавшихся 1917-м годом. Как и А.Г. Шляпников, участники семинара Покровского — А.М. Панкратова, А.Л. Сидоров и др. тянулись не только к архивному материалу, но и к его петроградским-ленинградским хранителям. Труды семинара Покровского, которые были

опубликованы к 10-летию Октябрьской революции, стали важным рубежом в развитии профессиональной исследовательской работы, как и обильно документированный труд Шляпникова по истории Февральской революции.

Оставляя в стороне вопрос о Кратком курсе истории ВКП(б) как исследованный в обширной новой историографической литературе. Отмечу лишь два сюжета, которые, как представляется, нуждаются в дальнейшем рассмотрении. Не исключено, что они связаны между собой. Первый из них — это разрешительное влияние, оказанное самой исторической конструкцией канонизированного курса истории партии на появление общесторических работ различных жанров, школьных и вузовских учебников, монографий. Обязательность основанной на методологических принципах периодизации, хотя и носившей иногда юмористический характер (напр., физкультура и спорт в эпоху стольпинской реакции и нового революционного подъема, родовспоможение в период перехода от феодальной раздробленности к централизованному государству), была платой за возможность последовательного исторического изложения. Может быть, именно поэтому А.Л. Сидоров и М.Я. Гефтер отстаивали «Краткий курс» даже тогда, когда многие историки накануне XX съезда от него уже отказались. Между тем, оба они вскоре приняли активное участие в пересмотре ряда канонизированных положений тогдашней исторической науки.

Вообще же, те авторы, которые обладали профессиональной подготовкой и исследовательскими способностями — что бы ни приходилось им писать в 30-х—40-х гг. — оказались наиболее восприимчивы к тем общественным и академическим переменам, которые произошли в середине 50-х гг. Я никогда не забуду заседания в МГУ в 1956 г., устроенного кафедрой истории КПСС для «проработки» журнала «Вопросы истории», редакция которого возглавлялась тогда А.М. Панкратовой и Э.Н. Бурджаловым. О том, какую роль играл тогда этот журнал, хорошо известно. Сопrotивление линии XX съезда КПСС, которую олицетворял и отстаивал журнал, было целью того заседания в МГУ, на котором я оказался. И когда один из ораторов П.Н. Патрикеев стал перечислять связанные с Октябрьской революцией уже решённые, по его словам, вопросы, которые не могут быть предметом дискуссии, он был поставлен в тупик неожиданной репликой Э.Б. Генкиной: «А можете ли Вы назвать такой вопрос, который предметом дискуссии быть может?» А, ведь, Генкина была автором работы о Сталине в обороне Царицына. Но нельзя забывать и того, что начала она свой путь весьма интересной, ныне многими забытой работой о Февральской революции в трудах семинара Покровского в 1927 г.

Тот же оратор, чтобы представить Бурджалова историком, меняющим свои позиции, напомнил о его статье, посвящённой «Краткому курсу исто-

рии ВКП(б)». В ответ Е.Н. Городецкий сказал, что едва ли не единственный среди присутствующих, не боящийся таких обвинений, это сам П.Н. Патрикеев, который никогда ничего не писал и, во всяком случае, не печатал. А снятый со своего поста и как бы в наказание отправленный на научно-педагогическую работу Бурджалов стал автором фундаментального двухтомного исследования о Февральской революции.

Профессиональные основы исследовательской работы поддерживались и укреплялись многотомными публикациями документального материала, посвящёнными событиям 1905 и 1917 гг., а также своеобразной историко-юридической серией, изданной при ближайшем участии С.Н. Валка, «Декреты Советской власти». В свою очередь, эти работы имели традиционную связь с известными публикациями о рабочем и крестьянском движении, выходившими под руководством академиков А.М. Панкратовой и Н.М. Дружинина.

Годы так называемого застоя вовсе не были бесплодными для историографии 1917 года. Многотомник И.И. Минца, изданные Ленинградским отделением Института истории АН СССР коллективные труды «Октябрьское вооружённое восстание в Петрограде» (1967) и «Революционный Петроград в 1917 г.» (1977), монографии П.В. Волобуева, В.И. Старцева, Ю.С. Токарева, А.Л. Фраймана, О.Н. Знаменского, В.Н. Гинева, Г.Л. Соболева, Е.П. Ерыкалова, И.А. Баклановой, З.В. Степанова, Т.М. Китаниной, В.И. Миллера, Г.З. Иоффе, А.Л. Ненарокова, А.Я. Грунта, А.Е. Иоффе, А.В. Игнатъева и др. знаменовали собой дальнейший этап в изучении Октябрьской революции. Из коллег по ЛОИИ нельзя не отметить упорно шедших против течения В.И. Биллика и П.Н. Михрина, о которых мне пришлось написать специально.¹ Профессионализм многих этих исследований не только вне сомнений, но и служит эталоном для исследователей других периодов истории советского общества. Сформировались в качестве важнейших элементов вспомогательных исторических дисциплин источниковедение и историография Октябрьской революции. Впрочем, написанный О.Н. Знаменским и В.И. Старцевым историографический очерк к «Октябрьскому вооружённому восстанию» включён в текст издания не был. Опубликовать его удалось лишь в сборнике статей и материалов, посвящённом памяти О.Н. Знаменского.²

Сохранялись два наиболее очевидных недостатка. Первый из них — освещение роли Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева и др. Второй — революция освещалась как событие безальтернативное, не только

¹ *Ганелин Р.Ш.* Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х—1970-х годах. СПб., 2006. Приложение. С. 293–313.

² *Рабочие и российское общество.* СПб., 1994. С. 8–40.

объективно обусловленное социально-экономическими и политическими предпосылками, но и исторически неизбежное. Чтобы «подвести» Россию под общую схему детерминированной смены капитализма социализмом, в 70-х гг. была сделана попытка оттеснить на задний план исследовательские положения об отсталости и многоукладности российской экономики выдвиганием постулата о среднем уровне капиталистической развитости страны.

Некоторые стереотипы, установившиеся в советской историографии, были в какой-то мере подтверждены в течение нескольких лет после разгрома панкратовско-бурджаловской редакции «Вопросов истории» в 1957 г. Роль в революционных событиях меньшевиков и эсеров, которые определялись как партии мелкой буржуазии, в отличие от большевиков, считавшихся единственной партией пролетариата, признания так и не получила. Троцкий, Зиновьев, Каменев и др. оставались под гнётом прежних обвинений, хотя и несколько ослабленных. На обсуждении «Октябрьского вооружённого восстания» в редакции журнала «История СССР» наши московские коллеги, чтобы обезвредить обращённую против нас «партийную критику», раздававшуюся под старым лейтмотивом «Ленин и Сталин — вожди Октября», пошли на сочетание тактических приемов с обходными маневрами. К.В. Гусев с самого начала обсуждения заявил, что недостаток одной из глав, принадлежащей автору этих строк, — недооценка роли эсеров, а П. В. Волобуев, имея в виду обвинения Каменева и Зиновьева в колебаниях по поводу восстания, пустился в убедительные рассуждения как бы житейского характера. «Это Ленин был гений, — заявил он, а они — обыкновенные люди вроде нас с вами. Ленину всё было ясно с самого начала до конца, а они хотели семь раз отмерить перед тем как отрезать, проявив чувство политической ответственности».

Кстати сказать, звучавшее в течение ряда лет обвинение их в том, что они в своей статье в газете «Новая жизнь» выдали сроки восстания, руководству историко-партийной науки пришлось фактически дезавуировать. В «Истории Коммунистической партии Советского Союза» было сделано примечание о том, что этот срок был установлен на заседании в квартире Сухановых.³ Что её хозяин, «известный меньшевистский публицист», был редактором той самой «Новой жизни», в которой выступили Зиновьев и Каменев, не отмечалось, хотя подчёркивалось, что его во время заседания не было дома, а квартиру, «весьма удобную с точки зрения конспирации», предоставила жена Суханова Г.К. Флаксерман. Возможность читательской иронии во внимание не принималась.

Более существенной проблемой историографии революционного процесса была его социально-экономическая природа.

³ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. Кн. 1. Председатель главной редакции П. Н. Поспелов. М., 1967. С. 301.

Вторая половина 60-х и начало 70-х гг. ознаменовались в историографии революционного процесса двумя противоречившими друг другу направлениями. Господствовавшая с 30-х гг. теория формаций создавала основу для конструирования так называемых объективных предпосылок социалистической революции, которые дополнялись субъективными (это понятие включало в себя массовое движение при всё усиливавшемся кроне к признанию руководящей роли большевиков). Теория формаций была при всей её искусственности неглупой, обосновывая почти математически детерминированность прошлого и настоящего. Основная причина её уязвимости заключалась в игнорировании особенностей исторического процесса в различных странах. Созданная в идеологическом котле ленинградской Государственной академии истории материальной культуры очень яркими, глубоко верующими в марксистские идеи и одарёнными в области их генерирования, но совершенно безапелляционными и исторически неграмотными людьми, вскоре после этого расстрелянными, М.И. Цвибаком, А.Г. Пригожиным и другими при участии Б. Д. Грекова, В. В. Струве, С.А. Жебелева, теория формаций отвечала личной цели Сталина. «Для схематиков, — пошутил он однажды за обедом, вызвав общий хохот, — история делится на три периода: матриархат, патриархат, секретариат».⁴

Он именно на схематиков и рассчитывал, но после его смерти, как и в кампании вокруг панкратовско-бурджаловских «Вопросов истории», отнюдь не все оказались таковыми в школе А.Л. Сидорова, изучавшей российскую экономическую жизнь предреволюционных десятилетий. Об этом немало теперь написано, прежде всего, В.В. Поликарповым. Следует лишь отметить, что занявшиеся после войны научной работой П.В. Волобуев, М.Я. Гефтер, К.Н. Тарновский, В.И. Бовыкин, К.Ф. Шацлло, В.Я. Лаверычев, Т.Д. Крупина, А.Я. Аврех, А.М. Анфимов, М.С. Симонова, В.А. Емец вместе с представителями старшего поколения Сидоровым и И.Ф. Гиндиным пошли в архивы, где были обработаны и стали доступными фонды банков, финансовых и промышленных предприятий, чтобы посмотреть, что же представлял собой российский капитализм как предшественник социализма. Возникла значительная литература — статьи в «Исторических записках», монографии, сборники документов о монополистическом капитале в различных отраслях промышленности. Началось тщательное изучение развития капиталистических отношений в российской деревне.

В конце 1960-х в сидоровской школе (сам А.Л. Сидоров скончался в 1966 г.) произошёл раскол, продолжавшийся в 1970-х гг. Результаты её исследований стали рассматриваться некоторыми их участниками как под-

⁴ *Жданов Ю.А.* Взгляд в прошлое. Ростов-на-Дону, 2004. С. 147.

тверждение формационной теории развития общества. Ведущий представитель этого направления В.И. Бовыкин рассказывал мне, что оно встретило одобрение со стороны видных историков КПСС, которые сигнализировали в ЦК о вредности иных толкований дела.

К.Н. Тарновский и оказавшиеся в одном с ним, противоположном этому лагере, тоже были марксистами и ленинцами. Но они очень скоро убедились в том, что за продвинутыми экономическими и финансовыми формами, во многом соответствовавшими тому, что было в то время на Западе, проглядывали традиционные черты старой российской действительности, не только деревенской, но и городской. Что касается деревни, то её изучение связано с именем А.М. Анфимова, который в буквальном смысле пересчитал землевладение и землепользование всей страны. Развитость капиталистических отношений в сельском хозяйстве оказалась очень сомнительной. А не забывавшая о коллективизации власть была к этому особенно чувствительна: недаром уничтоженные выдающиеся знатоки российской деревни Н.Д. Кондратьев и А.В. Чаянов оставались без посмертной реабилитации до начала перестройки, хотя Главная военная прокуратура пыталась добиться этого ещё в середине 1950-хг.

К.Н. Тарновский и те, кто, как и он, считали нужным изучать российский капитализм по источникам, выходящим за пределы круга банковской и связанной с ней документации, и пытались анализировать экономическую и социальную действительность по различным её проявлениям, оказывались в противоречии с принципом детерминированной смены одной формации другой, особенно капитализма социализмом. Капитализм должен был быть для этого если не перезревшим, то вполне зрелым, а этого, по крайней мере, в общероссийском масштабе, не получалось. Заявления такого рода, да ещё сделанные «снизу» (П.В. Волобуев, хотя и работал некоторое время в ЦК, не занимал в партийно-иерархическом отношении такой высокой позиции, чтобы выдвигать «новые положения», его пост директора академического института был для этого недостаточен), не могли не вызвать сопротивления идеологических «верхов». Заведующий Отделом науки ЦК КПСС С.П. Трапезников, работавший с Л.И. Брежневым в Кишинёве, автор книг по истории аграрного вопроса, недвусмысленно и ясно выступал в защиту теории формаций и против «новопрочтенцев».

Слово «новопрочтенцы» носило в устах их противников уничижительный характер, а сами они стремились вычитать у Ленина наиболее реалистические оценки исторической действительности, например, его теорию об экономической многоукладности, на которую с осторожностью ссылались как на аргумент против сторонников «полной и окончательной» победы капитализма. Но существовала московская острота с подменой «многоуклад-

ности» на по-настоящему спасительную «многоподъездность». Дело в том, что в другом подъезде ЦК (не том, который вёл в Отдел науки) помещался Международный отдел, где новопрочтенцы пользовались некоторой поддержкой. В отличие от ортодоксов, настаивавших на неотвратимости победы социализма во всем мире, «международники», ведавшие отношениями с зарубежными компартиями, вряд ли могли настаивать перед их руководителями на обязательности такой перспективы и для них. Всё это началось в середине 1960-х гг. и завершилось разгромом новопрочтенцев в 1973 г. Но одновременно историография революционного процесса оказалась под другим официальным влиянием, пожалуй, противоположным партийному и не менее неотвратимым.

Неподалеку от здания ЦК располагался в домах на Лубянке Комитет государственной безопасности, в котором 17 июля 1967 г. по инициативе нового председателя Комитета Ю.В. Андропова было создано решением Политбюро 5-е управление этого ведомства для борьбы с идеологическими диверсиями и диссидентством во главе с ген. Ф.Д. Бобковым. Можно предположить, что кроме неудовольствия и страхов, вызванных в «верхах» книгой А.М. Некрича о 22 июня 1941 г. и восприятием ее читательской, научной и ветеранской общественностью, среди причин активизации ведомственной идеологической деятельности было и приближавшееся пятидесятилетие Октябрьской революции. Новое управление получило номер «5» не случайно, оно имело свою предысторию. «В декабре 1951 г., — пишет Г. Костырченко, — стараниями Рюмина был изгнан с поста начальника 5-го (идеологического) управления МГБ полковник А.П. Волков. Возглавлявшаяся им структура в декабре 1949 г. была реорганизована в агентурно-розыскную оперативную службу, унаследовавшую функции существовавшего в 1820–1930 гг. секретно-политического отдела (управления). В этом качестве 5-е управление активизировало политический сыск и слежку в среде духовенства, творческой и научной интеллигенции, поскольку этот “контингент” подозревался в связях с националистическими организациями, в составе 5-го управления, которое после Волкова возглавил генерал-майор А.П. Бызов, наряду с прочими “противонационалистическими” подразделениями был создан 6-й отдел (“по искоренению еврейского сионистско-бундовского и религиозного подполья”), который сначала возглавил И.В. Шумаков, а с 1952 г. — А.Ф. Рассыпнинский».⁵

Председатель КГБ СССР в 1988–1991 гг. В.А. Крючков в интервью, данном 28 февраля 2004 г., отвечая на вопрос: «Как Вы расцениваете создание в КГБ 5-го “идеологического” управления?», сказал: «Оно было создано ещё в 1967 году, и это был в целом позитивный шаг, потому что борьба

⁵ Костырченко Г. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., 2009. С. 185–186.

против Конституции, по которой живёт общество и государство, — это не проступок, а преступление. Причём после создания управления усиления борьбы с так называемыми диссидентами не было, число привлекаемых лиц сократилось. Мне теперь кажется, что наши товарищи допустили одну ошибку: надо было поработать с общественностью, придать гласности деятельность КГБ на этом направлении, объяснить, почему это происходит, и дать понять нашему обществу, что это в его интересах. А мы всё пустили по слишком закрытым каналам. Это была ошибка, допущенная, мне кажется, в том числе и Андроповым».⁶

Ф.Д. Бобков и сам Андропов стали создавать свою теорию происхождения революции. Схема смены формаций, на которой было построено изложение предпосылок революции, со стремлением к анализу внутренней природы исторического процесса, противостояла представлениям о его полной управляемости, сведению причин социальных сдвигов исключительно к злонамеренным и заговорщическим действиям различных лиц или групп. Этот подход к делу, восходивший к старой полицейской его трактовке, получившей некоторое распространение в эмигрантской среде, оказался привлекательным на Лубянке. Результатом этого явилась вышедшая в 1974 г. книга яркого и популярного в читательской среде автора-американиста Н.Н. Яковлева «1 августа 1914 г.», задуманная для противодействия солженицынскому «Августу 1914 г.», который оценивался на Лубянке как недостаточно патриотический. Сам Н.Н. Яковлев изложил после начала перестройки историю происхождения своей книги, о ней писали В.В. Поликарпов с В.В. Шелохаевым, и автор этих строк, остановившийся на позднейших утверждениях лиц, бывших в 1970-х гг. у руководства комсомольским издательством «Молодая гвардия», в котором вышла книга Н.Н. Яковлева, о том, что заслуга её издания принадлежит им, а не руководителям КГБ.⁷

⁶ Бондаренко А.Ю., Ефимов Н.Н. Утаённые страницы советской истории. М., 2008. С. 371–372. В «справке о враждебной деятельности сионистских элементов», подписанной Бобковым и направленной Андроповым секретарю ЦК КПСС П.Н. Демичеву по его просьбе 17 мая 1971 г., в частности говорилось: «В ряде случаев сионистские элементы свою националистическую, антисоветскую деятельность прикрывают фразеологией о борьбе с последствиями культа личности, требованиями “свободы творчества” и “расширения демократии”. Группа творческих работников Москвы из числа евреев высказывает несогласие с политическим строем в нашей стране, национальной политикой и линией партии в вопросах литературы и искусства. Участники группы считают марксистско-ленинскую теорию устаревшей, говорят о необходимости перестройки социалистического общества по образцу буржуазной демократии» (*Абрамов Вадим*. Евреи в КГБ. Палачи и жертвы. М., 2005. С. 480–481. Приложения).

⁷ Поликарпов В. В. Цусима советской историографии // Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX в. М., 2008. С. 11–159; Ганелин Р.Ш. Политические ситуации конца XX — начала XXI вв. и исторические оценки причин гибели царизма // Россия и революция 1917 года: опыт истории и теории. Материалы Всероссийской научной конференции 12–13 ноября 2007 г. СПб., 2008. С. 7–24.

Замысел дела был очень прост. ОГПУ—НКВД имело традиционный интерес к масонству,⁸ и арестованных по различным обвинениям издавна допрашивали по этому поводу. Н.Н. Яковлеву были предоставлены протоколы предсмертных допросов профессора-инженера товарища министра-председателя Временного правительства Н.В. Некрасова и депутата IV Думы, ставшего в Февральские дни помощником коменданта Петрограда Л.А. Велихова, в которых упоминались как виновники Февральской революции масоны.

Приводя относящиеся к масонской теме фрагменты их показаний, Н.Н. Яковлев, отчётливо сознавая сомнительность этих источников, называл их отрывками из записанных в 30-е гг. рассказов. Хотя Н. Берберова, признававшая масонскую роль, и А.Я. Аврех, стоявший на противоположных позициях, отнеслись к сообщённому Н.Н. Яковлевым с доверием, его книга на протяжении примерно пятнадцати советских лет многочисленных последователей не имела и даже вызвала возражения в печати, хотя одобренную в партийных сферах отрицательную рецензию на неё Андропов изъясил из уже свёрстанного номера журнала. Но в 1989–1990-х гг. «беспредпосылочная» трактовка происхождения революционного процесса обрела устойчивость, характеризующую её распространённость и сегодня. Талантливый и яркий литературный критик И. Дедков опубликовал в 1992 г. незадолго до своей кончины статью «От “Августа 1914” — к “Марту 1917”», в которой с этой точки зрения рассматривал с горечью за А.И. Солженицына его «Красное колесо».⁹ Для тех ревнивых опасениц, которые раньше вызывал на Лубянке «Август 1914», больше не было оснований.

До сих пор значится в Интернете имеющейся в продаже книга А.З. Романенко «Геноцид», изданная в Ленинграде в конце 1989 г. ротاپринтным способом с факсимильным воспроизведением подписи автора на каждой странице, «чтобы исключить подделки, на которые сионисты непревзойденные мастера». Февральская революция, по Романенко, совершена евреями и масонами, а сложившееся в результате неё двоевластие было разделением функций между масонами, составлявшими якобы абсолютное большинство во Временном правительстве, и «выходцами из среды еврейской буржуазии», возглавившими Исполком Петроградского совета. Колебания Зиновьева и Каменева перед Октябрьским восстанием Романенко рассматривал как их помощь Керенскому, продиктованную общностью еврейских интересов.

⁸ Вот как ответил В.А. Крючков на вопрос: «Интересно, а КГБ масонством занимался?»: «Было время, когда к масонским ложам относились, как к чему-то сказочному, потом выяснилось, что это серьёзное дело, которым надо было заниматься... Комитет заинтересовался этой проблемой, но чтобы её размотать по-настоящему, нужно было, чтобы ею занялась и высшее политическое руководство. А там такого желания не было...» (*Бондаренко А.Ю., Ефимов Н.Н.* Указ. соч. С. 372).

⁹ Ныне см. об этом статью А. Туркова в «Знамени», 2008, № 11.

А.П. Баркашов в 1990 г. в обращении движения «Национальное единство за свободную сильную и справедливую Россию» в газете «Родные просторы» (1990, ноябрь. № 7(7)) связывал революцию в России с происками поссорившей её с Германией Антанты. «При помощи уже тогда существовавшей “пятой демократической колонны”, — говорилось в обращении «Национального единства», Россия была ввергнута в Мировую войну против единственного своего потенциального союзника — Германии, за интересы своих потенциальных противников — Англии, Франции, США».

Здесь следует отметить, что в отличие от Баркашова, который и много лет спустя считал фильм «Александр Невский», делавшийся под постоянным контролем Кремля, плохим как антигерманский и снятый евреем С. Эзенштейном (радиопередача «Эхо Москвы» в 1 час ночи 06.11.08), в Берлине в 1939 г. увидели, в такого рода советской военно-патриотической пропаганде, посылаемый из Москвы сигнал в пользу советско-германского пакта с протоколами к нему.

В наши дни появилась развивающая эти традиции многочисленная литература, которая в соответствии с пожеланиями влиятельных инстанций 1960-х — 1970-х гг. сводит причины революции к проискам иностранных разведок, масонов, евреев, настаивая на отсутствии внутренних к ней предпосылок.

Но вот автор, который в силу своей профессиональной требовательности признает, хоть и не без досады, неустановимость таких происков, относя их к «распространённым штампам постсоветской эпохи». Он обвиняет консерваторов 1917 года в том, что они предали монархию и требует от нынешних консервативных сил поддержки современной власти безо всяких опасений ей этим повредить. «Было бы очень соблазнительно сделать виновниками российской трагедии масонов, евреев, американских и английских империалистов, — пишет в рецензии на книгу «90 лет Февральской революции»¹⁰ Ю.Е. Кондаков. — К сожалению, объективных данных для подобных оценок пока не обнаружено. Напротив, очевидно, что силы, призванные защищать монархию, спасовали и оказались не способными выполнить свою функцию. Трагедия российского консерватизма начала XX в. пока ещё не усвоена современными российскими консерваторами. До сих пор в патриотических кругах бытует иллюзия о том, что добиться национального возрождения можно, находясь в конфронтации с властью. Уроки Февраля и трагедия российской государственности пока ничему не научили россиян. Очевидно, что сохранить независимость и создать сильное государство возможно лишь при условии объединения всех общественных сил».¹¹

¹⁰ 90 лет Февральской революции. Сб. научн. ст. /Ред. кол: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.) и др. СПб., 2007.

¹¹ Клио. № 4 (43). 2008. С. 148.

Как отвечающая интересам нынешней российской власти рассматривается и концепция Б.Н. Миронова, исходящего из того, что Россия благополучно прошла бы через процесс общей модернизации, экономической, политической и правовой, если бы не либералы и революционеры. Такое мнение отражено в недавно вышедшем номере журнала *Ab Imperio* (3/2008), специальный раздел которого посвящён работам Б.Н. Миронова. В нём содержатся ссылки на обсуждения этих работ в США и в России еще в 2002 и 2004 гг.

«Русские европейцы» (выражение авторов журн. *Ab Imperio*, относящееся к участникам «круглого стола» в редакции журнала «Одиссей») видели у Б.Н. Миронова, по словам Б. Эклофа, «страстную и патриотическую (но не националистическую) картину Российской истории, приемлемую как для учёной, так и для непрофессиональной аудитории». Они отводили ему второе место в русской историографии после В.О. Ключевского, и ставили в заслугу то обстоятельство, что конструируемое им для России «"полезное прошлое" является сегодня ещё и жизненно важной политической задачей, необходимой для стабильности и самого выживания России, а также для того, чтобы бороться с почвенническими течениями, которые появились в ответ на уменьшение места России в мире после краха Советского Союза».¹² Между тем в «Одиссее» (2004) находим ряд в высшей степени обоснованных критических отзывов по этому поводу, начиная с чрезвычайно глубокой обстоятельной статьи И.М. Супоницкой.

Придание концепции Миронова утилитарно-политической функции иначе оценивает в том же номере «*Ab Imperio*» У. Розенберг, стоящий на более академической позиции. Он отмечает, что «мироновская конструкция прошлого... исключительно "удобна" для легитимизации таких форм российской "европеизации", которые часто носят скорее идиосинкразический характер...».¹³

Я остановился на работах Б.Н. Миронова, как связанных с такой тенденцией в постсоветской историографии, в которой усматривают отрицание советской. Однако стремление придать им канонический характер имеет чисто советские черты, как отмечает У. Розенберг. Добавлю, что при всей условности такого сопоставления кое-что из происходящего под современным названием «смена парадигм» вокруг Б.Н. Миронова сродни кампании семидесятилетней давности, связанной с насаждением Краткого курса Истории ВКП(б).

Изучение российского революционного процесса продолжается в новой России на современной научной базе в тесной связи с исследованием отечественной истории как важнейшей части всемирной.

¹² *Eklöf Ben.* By A Different Yardstick // *Ab Imperio*. 3/2008. С. 292, 310, 314–315. Между тем в «Одиссее» (2004) находим ряд в высшей степени обоснованных критических отзывов, начиная с чрезвычайно глубокой обстоятельной статьи И.М. Супоницкой.

¹³ Там же. С. 358.